

«Чехов — великий английский драматург»

Деклан Доннеллан ставит «Трех сестер»

КОММЕРСАНТ. - 2005. - 26 МАРТА. - С. 9

проект театр

Сегодня состоится последняя московская репетиция чеховских «Трех сестер», которых ставит с русскими актерами английский режиссер Деклан Доннеллан. Завтра творческая группа переезжает в Париж, где в апреле состоится премьера спектакля. Российская же премьера пройдет летом, в рамках VI Чеховского фестиваля, который является продюсером постановки. Накануне отъезда **ДЕКЛАН ДОННЕЛЛАН** ответил на вопросы **РОМАНА ДОЛЖАНСКОГО**.

— **Вы не боитесь ставить Чехова?**

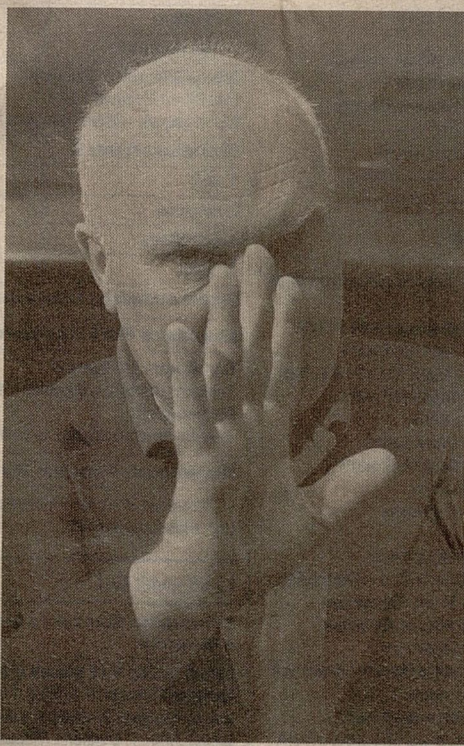
— Я, в отличие от многих иностранцев, вообще в России чувствую себя очень комфортно и ничего не боюсь.

— **Я имею в виду, что крупные зарубежные режиссеры обычно избегают предложений ставить Чехова с русскими в России. Боятся вступить в диалог с главным русским драматургом, так сказать, на его же территории.**

— Ах, в этом смысле! Естественно, я волнуюсь, как сложится спектакль. Но не больше обычного. Дело в том, что я вообще в своей жизни часто ставил очень знаменитые пьесы, прежде всего шекспировские. Поэтому научился не пугаться мифов и пренебрегать ими. Что касается Чехова, то я могу сказать, что вырос на постановках его пьес в той же степени, что и на шекспировских спектаклях. В Англии постоянно ставили и ставят Чехова, как Шекспира всегда ставили и ставят в России. Я обычно говорю, что Чехов — великий английский драматург, а Шекспир — великий русский драматург. Кстати, английские клише чеховских постановок очень похожи на русские — играть каких-то никчемных и тоскующих людей. Между прочим, Чехов, как все великие писатели, сам играл со смешными клише. Андрей в пьесе жалуется: «Моя жена меня не понимает». Это же страшная банальность, так говорят все.

— **Вы уже ставили здесь одну великую русскую пьесу — «Бориса Годунова». Кто сложнее — Пушкин или Чехов?**

— Вообще, трудно ставить пьесу, которую знаешь почти наизусть. Я это особенно ос-

НИКОЛАЙ ГОРБУНОВ

тро ощутил, когда делал в Москве «Двенадцатую ночь». Такую пьесу невозможно перечитать: память бежит впереди взгляда, она подсказывает текст прежде, чем ты успеваешь его увидеть глазами, а вместе с текстом подсказывает уже готовые старые решения и интерпретации.

— **Неужели вы знаете «Три сестры» наизусть?**

— Если и не наизусть, то слишком хорошо. Знаете, что мне по-настоящему помогло? В первые недели работы в Москве мне нездоровилось, поэтому вечерами я не выходил из дома и перечитывал рассказы Чехова. Конечно, я читал их когда-то раньше. Но именно теперь почувствовал их особую силу. Могу признаться, что никогда в жизни не испытывал столь живого контакта с литературой, как в эти вечера с Чеховым.

— **Недавно у вас произошел творческий контакт с еще одним русским драматургом — Николаем Эрдманом. Вы**

поставили в Национальном театре в Лондоне его пьесу «Мандат». Это звучит интригующе и странно: у нас Эрдманом увлекались в годы горбачевской либерализации, а теперь его не ставят. Что англичанам до сатирической истории о первых годах советской власти?

— Это немыслимо смешная пьеса. Не только диалоги, но и сама ситуация очень смешна, я и сейчас смеюсь, стоит только подумать о ней. Я никогда не делал таких откровенно комедийных пьес, и мне было интересно. Пьеса о том, что в обществе воцарилась полная путаница и профанация, и чтобы подняться наверх, надо притвориться, что ты находишься в самом низу, что ты пролетарий. Люди абсолютно растеряны.

— **Наверное, зрителям было интересно увидеть историю из жизни сталинского Советского Союза. А что нового о России лично вы почерпнули из «Трех сестер»?**

— Не думал об этом. Даже ставя «Бориса Годунова», я старался поменьше думать о стране, народе, истории, побольше — о конкретных людях. Чеховская история — очень частная, семейная, глобальные пафосные раздумья тут неуместны.

— **Но европейцы часто недоумевают, в чем проблема героинь. Если так хочется в Москву, купите билет и отправляйтесь в свою Москву. Чем сидеть и страдать.**

— О да, это очень интересно! Мы об этом много говорили с актерами. Каждый имеет собственный ответ, и общего ответа нет. Но я не вижу тут ничего специфически русского. Это напоминает мне Джеймса Джойса и его Дублин. Мы все бываем не способны к действию, которое очень хотим совершить и которое со стороны кажется таким простым! Чехов дает понять, что у сестер Прозоровых достаточно денег, чтобы поехать в Москву, что они достаточно образованны, чтобы найти работу, что у них там наверняка много знакомых и так далее. Я уверен, что все мы понимаем, почему три сестры не едут в Москву, но хо-

тим думать, что не понимаем. Потому что мы сами не едем в Москву! А если едем, то сходим с ума, разрушаем себя. Кстати, не забывайте, что в своем маленьком городе сестры были девушками из самой Москвы, а в Москве они тут же превратились бы всего лишь в девушек из провинции.

— **Чехов был пессимистом?**

— Он был ужасным пессимистом! Он находил жизнь пугающей, страшной, но, разумеется, по-другому, чем Достоевский. Я часто думаю, что случилось бы, доживи Чехов до революции. Повлиял ли бы он на нее? Куда бы эмигрировал? Написал бы, как планировал, пьесу о женщине, которая едет на Северный полюс? Хотя, конечно, эти вопросы бессмысленны?

— **С каким ощущением от «Трех сестер» вы пришли на первую репетицию? Вообще, перед началом работы у вас есть представление о том, как будет выглядеть премьера?**

— Я очень боюсь, когда начинают обсуждать концепции, спрашивать, «про что спектакль». Многие молодые режиссеры считают, что профессия режиссера состоит в том, чтобы держать актеров под контролем, то есть во власти своих идей. Но обычный человек приходит в театр не для того, чтобы попасть в диктаторское государство, а для того, чтобы увидеть другую жизнь. Поэтому способ работы у меня всегда один и тот же: подумать о пьесе, потом выбрать людей, то есть актеров, соединить их и попытаться придумать для них общую жизнь, не выпячивая своих собственных идей. Выбирая пьесу, режиссер выбирает объект для исследования, а не для самоутверждения.

— **Ходят слухи, что дирекция Чеховского фестиваля планирует создать вам постоянную труппу в Москве.**

— Правда? Это было бы восхитительно! У вас есть знакомый миллионер, который мог бы дать деньги? Если серьезно, то «Три сестры» будут моим четвертым московским спектаклем, если считать и «Ромео и Джульетту» в Большом. Получается, что я постепенно создал здесь целый репертуар.

Declan Donnellan
26.03.05.